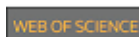

Зориктуев Б. Р. Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори / Б. Р. Зориктуев // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 393—423. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423.

Zoriktuev, B. R. (2020). Nayan-Nava and the Ethnogenesis Problem of the Buryat Tribal Community of Khor. *Nauchnyi dialog*, 5: 393-423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423. (In Russ.).

УДК 94(=512.3)“3/5”+94(517)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423

НАЯН-НАВА И ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА БУРЯТСКОЙ ПЛЕМЕННОЙ ОБЩНОСТИ ХОРИ¹

© Зориктуев Булат Раднаевич (2020), orcid.org/0000-0001-5760-0064, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), enhe_z@mail.ru.

Исследован этногенез ведущей бурятской племенной общности хори. Установлено, что ее этническими предками был монголоязычный сяньбийский этнос хор-тоба. Определено, что в IV веке на юго-западе Китая, в Амдо, из состава хор-тоба выделилась группа родов, получившая название хор (хори). Она осела в Цайдаме вблизи оз. Садамтын-Саган-нур. Большое внимание уделено выявлению ранних цайдамских вариантов хоринской легенды о предке Хоридое и его супруге деве-лебедь Хобоши. Их анализ в сочетании с данными разных источников засвидетельствовал, что прилегавшая к Садамтын-Саган-нuru территория была древней прародиной хоринцев, оставшаяся в их памяти как Наян-Нава. Доказано, что главный персонаж хоринской легенды Хоридой является олицетворением цайдамских монголоязычных родов — Хобоши, пришедших в VI веке с Саяно-Алтая омонголившись тюркоязычных этнических компонентов. Установлено, что взаимодействие и слияние этих групп привели к образованию в Цайдаме племени хори. Выяснено, что ориентировочно на рубеже I—II тыс. н. э. хоринцы, оставив Наян-Нава, ушли к Байкалу.

Ключевые слова: общность хор-тоба; племя хори; Хоридой; Хобоши; Амдо; Цайдам; оз. Садамтын-Саган-нур; Наян-Нава; Байкал.

1. Введение

Бурятская народность состоит из пяти основных частей: племенных общностей хори, булагат, эхирит, хонгдор и сборной территориально-этнической группы, называемой по месту ее локализации по р. Селенга, *селенгинские буряты*. Если относительно происхождения селенгинских

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

родов ситуация довольно ясна (одну их часть составляют мигрировавшие на Селенгу и ее притоки в XVII — начале XVIII века группы из Халхи, реже — из Внутренней Монголии, а другую — также поздние, начала XVIII века, пришлые с западной стороны Байкала преимущественно булагатско-эхиритские роды), то этого нельзя сказать в отношении этногенеза четырех первых групп. Достичь сближения позиций (о полном единстве взглядов тут говорить не приходится) не удастся по причине малочисленности или полного отсутствия сведений о них в ранних письменных источниках, а также в силу того, что не завершена сложная и трудоемкая работа по идентификации археологических памятников и их соотносению с конкретными древними и средневековыми этносами. Появляющиеся иногда публикации в лучшем случае дают некоторое представление об истории упоминавшихся общностей в границах нескольких последних веков, не затрагивая начальные стадии их сложения. Этими обстоятельствами объясняется то, что в бурятоведении до сих не создан труд, в котором было бы рассмотрено в полном объеме происхождение всех основных этнических групп, из которых сформировалась бурятская народность.

В настоящей статье изложены итоги исследования этногенеза племенной группы хори. Автор разделяет точку зрения, что этногенез — это начальный этап этнической истории; процесс сложения этнической общности на базе различных этнических компонентов [СЭПТ, 1995, с. 148]. Общность хори в прошлом, по некоторым косвенным данным, среди байкальских этносов была одной из наиболее крупных по численности, а по документальным источникам — самой известной среди них во Внутренней Азии. Об этом можно судить по тому факту, что имя этноса неоднократно (восемь раз) упоминается в самом раннем дошедшем до наших дней памятнике «Тайная история монголов» (1240; благодаря переводу С. А. Козина он в отечественной науке больше известен как «Сокровенное сказание») [Козин, 1941, с. 79, 80] и пять раз — в труде персидского историка Рашид ад-дина «Сборник летописей» (1310 / 11) [Рашид ад-дин, 1952, с. 77, 121, 124, 150, 156], тогда как о других живших у Байкала племенах ни одного упоминания в названных и других ранних источниках не имеется. Так как хоринцы в своем развитии прошли долгий и сложный путь, то результаты изучения их происхождения могут быть полезны исследователям, которые разрабатывают проблему этногенеза не только бурят, но и монголов, а также других народов.

В ходе раскрытия темы решены следующие задачи: выявлен регион, где находилась прародина хоринцев Наян Наваа (в русском написании — *Наян-Нава*); выяснено название озера, к которому прилежала местность

Наян-Нава — Садамтын Сагаан нуур (в русском написании — *Садамтын-Саган-нуур*, кратко — *Садамтын-Саган*); определены этнические предки хоринского племени; выявлены и изучены ранние варианты хоринской легенды о прародителе Хоридое и его супруге деве-лебедь Хобоши; установлена этническая принадлежность двух групп родов, олицетворением которых в легенде выступают названные персонажи; определено время исхода хоринцев из Наян-Навы к Байкалу.

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые в монголоведении поставлена и исследована проблема местонахождения первоначальной родины бурятской племенной общности хори Наян-Нава. Полученные результаты важны для последующих исследований этнической истории хори и других этносов, причем не обязательно монгольского круга.

2. Историография проблемы этногенеза и местонахождения прародины хори Наян-Нава

Проблема этногенеза хоринцев затронута в ряде публикаций. Среди них выделяются монографии Г. Н. Румянцева, Ц. Б. Цыдендамбаева, Д. Д. Нимаева, Б. Б. Дашибалова, в которых она получила наибольшее отражение [Дашибалов, 2005; Нимаев, 2000; Румянцев, 1962; Цыдендамбаев, 1972, с. 50—103, 176—231]. Подробный анализ этих трудов, чему нами была посвящена отдельная статья [Зориктуев, 2019, с. 13—19], показывает, что в научном сообществе интерес к этногенезу хори значителен. Об этом говорит рост числа публикаций по теме. В то же время нельзя не отметить, что большая часть проблем осталась нерешенной. Причина этого видится в том, что исследователям практически неизвестен начальный период этнической истории хоринцев. Ими не учитывается взгляд на свою историю представителей самого хоринского этноса, которые твердо убеждены в том, что являются пришлыми к Байкалу людьми. Они утверждают, что их древней колыбелью была местность Наян-Нава, находившаяся в далекой благодатной стране. О ней как о щемящей душу родине предков сохранилась песня «Наян Наваа», которую в прежние времена знал каждый член хоринского племени. Становится очевидным, что неизученность вопроса о местонахождении прародины хоринцев становится непреодолимым препятствием к отысканию правильных подходов для раскрытия раннехоринской истории, в частности, адекватного понимания и интерпретации известной легенды о Хоридое и его супруге деве-лебедь, в которой в сфокусированной форме преломлен этногенез хори. В легенде содержится редкостный материал, нигде больше не встречающийся, но, несмотря на это, она, в силу неизвестности материала о Наян-Нава, никогда не становилась

объектом глубокого и детального анализа. Дело ограничивается констатацией двух лежащих на поверхности фактов: Хоридой является предком хоринского племени, родившиеся от лебедя сыновья — родоначальниками вошедших в его состав родов. Между тем следует подчеркнуть, что финальная часть сюжета легенды: вступление в брак ее основных персонажей, рождение сыновей и образование племени хори — является точкой отсчета реальной хоринской истории.

Справедливости ради надо сказать, что в 2003 году был издан небольшой труд, посвященный местонахождению прародины хори. Его автор — Ц. Ц. Доржин [Доржин, 2003]. Эта публикация, с учетом особой важности вопроса о Наян-Нава в деле изучения этногенеза хори, рассмотрена нами отдельно, без включения ее в общий историографический обзор проблемы происхождения данного этноса. Автор пишет, что в середине XIII века монголами для окончательного закрепления за собой ранее завоеванных земель в Западную Азию была снаряжена крупная военная экспедиция в количестве 30 тыс. чел. В нее было включено забайкальское племя хори, которому по прибытии войск в назначенный регион для постоянной дислокации была отведена территория между р. Евфрат и Тигр. Хоринцы в ходе освоения назвали ее *Наи-нава*. Сейчас этот топоним преобразован в *Най-нава*, он является названием столицы провинции на севере Ирака.

Местность Наи-нава, утверждает Ц. Ц. Доржин, для многих поколений хоринцев, находившихся в Северном Ираке, стала родиной, а для тех их потомков, которые спустя много времени вернулись к Байкалу, — прародиной. «Если считать, — указал он, — что за полтора-два столетия 6—9 поколений хоринцев рождались, жили и похоронены в крае Наи-нава <...>, то получается, что область Наи-нава была родиной не только уходящих оттуда людей, но и их предков» [Там же, с. 32].

О земле Наи-нава, пишет автор, сохранились дошедшие из глубины веков в устном виде короткое предание и песня «Наян Наваа». Песня стала гимном хоринского этноса, важным атрибутом его национального самосознания. «Поэтому вполне объяснимо, почему пришедшие оттуда (из Северного Ирака. — Б. З.) люди стремились передать своим потомкам песню и ностальгические рассказы о Наи-нава», — заключает автор [Там же, с. 32]. С течением времени хоринцы, понимая, что существует опасность ассимиляции на чужбине, решили вернуться на прежнюю родину у Байкала. Это свершилось в начале XV или XVI века [Там же, с. 22—23, 32].

Таково содержание работы Ц. Ц. Доржина. Приведенный в ней топонимический материал автор преимущественно почерпнул с российских географических карт общего пользования. Ничуть не умаляя значение

данного вида источников, отметим, что механическое наложение взятых из них топонимических терминов, относящихся к такому отдаленному и специфичному региону, как Ирак, на те, которые бытуют в фольклорной традиции бурят, с целью доказать выдвинутые положения, — занятие совершенно неоправданное, неспособное обеспечить верный результат. Сказанное можно было бы проиллюстрировать рядом примеров, но ограничимся одним. Автор утверждает, что топоним *Наи-нава*, который позже принял форму *Найнава*, был оставлен хоринцами после их прихода в Ирак в середине XIII века [Там же, с. 19]. Однако из заслуживающих доверия источников известно, что имя *Найнава* образовано от слова *Ниневия* — названия столицы Ассирийского государства, существовавшего на территории Северного Ирака, на левом берегу Тигра, в VIII — VII вв. до н. э. Древние греки считали основателем столицы Нина, персонажа древнегреческой мифологии, царя Вавилонии [Ниневия].

Тот факт, что топоним *Найнава* имеет ближневосточное происхождение, ставит под сомнение предположение Ц. Ц. Доржина, что его с Северного Ирака принесли к Байкалу хоринцы [Доржин, 2003, с. 23—24]. Надо заметить, что в источниках нет сведений об участии хори в монгольских завоеваниях на западе. Достоверно известно, что из Байкальского региона, в средневековье называвшегося Баргуджин-Токумом, в походы монголов были вовлечены только баргуты, один из которых, Джурджаган, атабек (опекун, воспитатель наследника престола. — Б. 3.) Аргун-хана, стал известен в Иране [Рашид ад-дин, 1952, с. 121]. Известно, что монголы при продвижении вперед в покоренных странах оставляли военные гарнизоны, численностью обычно в тысячу сабель, которые назывались *тама*. Несшие в них службу воины, женившись на местных женщинах и передав потомкам названия своих родов, обратно в Монголию, как свидетельствуют источники, обычно не возвращались. Этим объясняется то, что в районах к западу от Саяно-Алтая встречается большое количество монгольских этнонимов, среди которых, однако, не встречается имя *хори*. Его нет и на территории иракской провинции Найнава. Этот факт говорит о том, что хоринцы в XIII веке в составе монгольских войск на Тигре и Евфрате не были, следовательно, иракский топоним *Найнава*, которому Ц. Ц. Доржин, приспособившая к названию песни «Наян Наваа», придал форму *Наи-нава*, никто к Байкалу не приносил.

Вышеуказанные недостатки во многом обусловлены тем, что автор во что бы то ни стало пытался разместить Наян-Нава в таком регионе Азии, где царствует субтропический климат, произрастают диковинные плоды [Доржин, 2003, с. 18]. С одной стороны, понять его можно, потому что в хо-

ринском предании Наян-Нава упоминается как место, где в изобилии растет виноград. Изюма было так много, говорится в нем, что он плотно налипал на копыта коней [ПМА]. Но с другой стороны, ему следовало учесть, что в памяти обуюнных ностальгией людей исконная родина всегда представляется некоей идеальной страной. За примером далеко ходить не надо. Немало исследователей считают, что прародина тюрков, ошибочно называемая ими *Эргенеконом*, находилась в горах Алтая. Она, по их утверждению, была подобна раю. Воздух ее был напоён миром и счастьем, по территории протекали чистые полноводные реки, имелись чудесные пастбища, росли благоухающие фруктовые сады [Зориктуев, 2015, с. 90]. Похожую межгорную впадину в Алтае отыскать нереально, хотя невозможно не согласиться с тем, что этот горный регион был местом решающего и завершающего этапа становления тюркского этноса [Кляшторный и др., 2005, с. 79].

Но самое главное, все ошибки Ц. Ц. Доржина изначально были решены тем, что он неверно трактовал и использовал понятие *прародина*. Во всех словарях, в том числе академических, данное слово имеет одно значение: «первоначальное древнейшее место обитания того или иного племени, той или иной породы животных и т. п.» [БАСРЯ, 2011, с. 479]. В Википедии содержится развернутое определение слова *прародина*: «отечество родоначальников рода, племени, этноса; первоначальное древнейшее место обитания рода, потомки которого затем заселяли и другие места» [Прародина].

Соответственно приведенным определениям Ц. Ц. Доржин должен был представлять, что хоринское племя возникло не в середине XIII века, а намного раньше. Но поскольку у него история данного этноса оказалась всецело завязанной на истории монгольских завоеваний на Ближнем Востоке в XIII веке, то тема прародины хори не получила в ней ни малейшего освещения. Где первоначально в древности обитали хоринцы, кто были их этнические предки, когда сложилось ядро племени и т. д. — обо всем этом автор не обмолвился ни словом. Ц. Ц. Доржину следовало уяснить, что если бы хоринцы в составе монгольской армии дошли до Ближнего Востока и почти на три сотни лет задержались на севере Ирака, то этот регион на долгое время стал бы для них новой, после Байкала, родиной, но никак не прародиной.

Если же называть имевшие место реалии своими именами, то работа Ц. Ц. Доржина посвящена выяснению одного частного вопроса, по которому в бурятоведении иногда возникает дискуссия: где находились хоринцы с XIII по XVI век после разгрома, якобы учиненного им монголами в 1207 году в Баргуджин-Токуме. Если, например, Ц. Б. Цыдендамбаев придерживался точки зрения, что они после отдачи их Чингис-ханом ой-

ратам вначале кочевали на Хангайском нагорье, а потом в XVI веке тумэтским Алтан-ханом были переселены в Южную Монголию [Цыдендамбаев, 1972, с. 227—229], то Ц. Ц. Доржин предложил свою гипотезу, в соответствии с которой они в этот период находились на севере Ирака. Ему повезло в том плане, что там оказался близко напоминающий название *Наян-Нава* топоним *Найнава*. Поэтому следует констатировать, что с выходом работы Ц. Ц. Доржина проблема прародины хори как была, так и осталась неизученной, оказавшись полностью обойденной стороной. И все же, несмотря на это, следует воздать должное автору. Он изданием своей работы напомнил всем тем, кто профессионально занимается наукой или имеет к ней простой любительский интерес, что существует крайне актуальная и насущная тема прародины хори, которая к настоящему времени почти полностью незаслуженно забыта.

3. О начальном цайдамском этапе этнической истории хори

Не может быть сомнения в том, что вопрос о местонахождении Наян-Нава, являющийся коренным в раннехоринской истории, должен решаться в тесной связи с другой актуальнейшей проблемой, а именно: где находилось озеро, на берегу которого при участии предка Хоридоя и его супруги птицы-лебедя образовалось хоринское племя. Основные подходы к ее раскрытию дает анализ легенды об этих персонажах, являющейся, помимо песни о Наян-Нава, важнейшим источником по ранней истории хори, которому исследователи, как было сказано выше, особого внимания никогда не уделяли.

Хоринцы состоят из 11 родов. В прошлом они подразделялись на две группы, возглавлявшихся родами галзут и харгана. В галзутскую группу входили роды хуасай, хубдуг, шарайт и гучит, в харганатскую — роды худаи, бодонгут, хальбин, цаганут и батнай. По давней традиции среди хоринских бурят особое место занимают галзуты. Этот род и возглавляемая им группа считаются ведущими, составляющими основу хоринского племени. Семантика этнонима *галзут*, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, — ‘яростные, бешеные’. В этом имени, как виделось ему, заключено название древнего тотемного предка хоринцев — собаки. Поэтому не случайно, полагал он, галзутов, оказавшихся среди верхоленских эхиритов, называли *нохой-уруками*, то есть *людьми из рода собаки*. Сами *нохой-уруки* происхождение своего родового имени объясняют так. Их предок, скитаясь, ходил далеко на север, где не было людей. Он был вынужден сожительствовать с собакой и иметь от нее детей, в связи с чем они стали называться *нохой-уруками*. «Таким образом, — заключил Ц. Б. Цыдендамбаев, — название рода галзут <...>

произошло от эпитета тотемного животного *галзуу нохой* — ‘яростная (или бешеная) собака’. Тотем *собака*, забытый хоринскими галзутами, но сохранившийся в названии нохой-уруков, показателен в том отношении, что ядро галзутов <...> должно быть признано протомонгольским по своему происхождению» [Цыдендамбаев, 1972, с. 196].

При сопоставлении известных данных о предках хоринцев с материалами о раннесредневековых монголоязычных этносах наибольшие типологические и генетические сходства обнаруживаются с южными племенами сяньби, в частности, с тоба. Обе группы в качестве тотемного животного почитали собаку. К началу нашей эры у них не был завершен переход к отцовскому роду, в связи с чем были прочны и сильны традиции матрилинейности [Викторова, 1980, с. 124, 134]. Важно отметить и то, что на определенном этапе своей истории сяньбийцы-тобасцы назывались *хор-тоба*, как о том сказано в сочинении тибетского Миньчжул-Хутукты «География Тибета» [Миньчжул-Хутукт, 1895, с. 5].

По данным Г. Е. Грумм-Гржимайло, в начале II в. н. э. в Китае, на северной окраине Ганьсу, появился новый этнический элемент — сяньбийцы. С 312 года они вступили в тесное общение с населением Амдо. В то время как в области Куку-нора и в верховьях Хуанхэ, отмечено им, наивысшего могущества достигли сяньбийцы-муюны, севернее их утвердились сяньбийцы-тоба. Поэтому «амдоские монголы, — заключил он, — суть потомки сяньбийцев, выселившихся сюда из восточной Монголии в начале IV века нашей эры» [Грумм-Гржимайло, 1908, с. 446—447, 449; Грумм-Гржимайло, 1926, с. 142].

В Амдо сяньбийцы, пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, получили от тибетцев имя *чжа-хор* [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 143]. Не миновали этой участи и тобасцы, однако их имя подверглось лишь частичному изменению, приняв форму *хор-тоба*. Этот факт зафиксирован в труде Миньчжул-Хутукты. В нем указано, что в Амдо, к северу от монастыря Гань-Лун, находится удел Амдо-Бал-ри, ниже его — удел Хор или Долдо. Далее говорится, что живущие здесь «гъя-хоры (чжа-хоры) владели прежде восточной и северной частью Амдо́ских земель, но при Танах <...> они подпали под китайское владычество, но земли их в большей части достались тибетцам <...> История о бывших в древнее время у этих чжа-хоров царях Хор-Тоба, владевших половиной Китая, находится в летописях Срединной империи» [Миньчжул-Хутукт, 1895, с. 53—55].

Надо полагать, разрастание родов, на основе которых впоследствии сложилось хоринское племя, обусловило необходимость их выхода из состава хор-тоба. Эти роды, скрепленные наличием тотемного культа собаки

и имевшие общего реально жившего ближнего предка, после своего обособления получили имя *хор*, со временем принявшее форму *хори*, и осели западнее Куку-нора в Цайдаме. Предположение о цайдамских корнях хоринцев основательно подкрепляет легенда об охотнике и деве-лебедь. Она была перенята хоринцами от вошедших в их состав омонголившихся тюркских родов, предположительно появившихся в Цайдаме в начале VI века. Легенда подразделяется на два варианта. Первый, лишенный позднейших напластований, сохранился в том виде, в каком его знали тюрки. Так как он в бурятском фольклоре бытует как хоринский, хотя в нем еще не упоминается имя *Хоридой*, его, на мой взгляд, по праву можно считать ранним вариантом цайдамской легенды о хоринцах. В этом варианте легенды говорится, что молодой охотник, бродя по берегу озера, увидел трех спускающихся с неба лебедей. Сев, они превратились в обаятельных девушек и стали купаться. Охотник, спрятавшийся на берегу, похитил одежду одной из них. Две девушки после купания, надев свои одеяния, снова превратились в лебедей и улетели на небо, а третья, нагая, не имея этой возможности, осталась на земле. Она стала женой охотника и родила 13 детей¹. Через много лет супруге захотелось примерить свою лебяжью одежду. Ничего не подозревавший охотник достал ее и разрешил надеть. Та, облачившись в прежнюю одежду и вновь приняв облик лебедя, через дымовое отверстие юрты вылетела наружу, сказав, что возвращается на небо. Помня небесную праматерь, потомки детей охотника не убивают лебедей [СБЗРС, 1890, с. 125—126].

По истечении некоторого времени, когда этнические процессы в Цайдаме значительно продвинулись вперед, появился второй вариант легенды. Наиболее заметное его отличие от предыдущего варианта состоит в том, что в нем оба персонажа приобрели конкретные имена. Охотник по наименованию местного племени хори назван *Хоридоем*, а его супруга-лебедь, ставшая воплощением пришедших в Цайдам тюркских родов, связанных по происхождению с лебедем (далее для краткости — родов-лебединов), — *Хобоши*. Кроме того, во втором варианте легенды, что очень важно, указано конкретное место в Цайдаме, где жили хоринцы и сложилось их племя. Это оз. Садамтын-Саган-нур.

1 Согласно позднему варианту хоринской легенды, у Хоридоя от девы-лебедя родилось 11 сыновей, которые стали родоначальниками 11 существующих сейчас родов. Едва ли кто будет оспаривать то, что у хоринцев в разные периоды их долгой истории было разное количество родов. Поэтому вполне допустимо, что в момент образования хоринского племени в его составе было 13 родов. Но в связи с тем, что сейчас проверить и подтвердить подлинность этой цифры абсолютно невозможно, то в настоящей статье будет говориться об 11 родах хоринцев безотносительно к какому бы то ни было периоду их истории.

Впервые о существовании оз. Садамтын-Саган сообщил талантливый самоучка, собиратель-этнограф М. Н. Хангалов. По одной его версии, оно находилось на севере Сибири, в низовьях Лены, по другой — южнее Байкала, в Монголии [Хангалов, 1960, с. 110]. В связи с появлением первой версии складывается следующая картина. К концу XIX века в Бурятии стали известны около 10 вариантов легенды о Баргу-баторе (некоторые из них — в устной форме) — легендарном предке жившей приблизительно до середины XVI века в Забайкалье племенной группы баргут. Все они в той или иной степени повторяют друг друга, но три из них наиболее близки между собой по сходству сюжетов. Они были записаны в конце XIX века от западных бурят М. Н. Хангаловым, любителями старины, собирателями фольклора А. З. Заяхановым и М. Маласагаевым [Хангалов, 1960, с. 107—109; ЦВРК, общ. фонд, № 225/в, л. 1—3; НАРБ, ф. 362, оп. 1, д. 13, л. 75—79].

Кратко содержание легенды в записи М. Н. Хангалова таково (в скобках — разночтения с вариантами легенды в записях Заяханова и Маласагаева). Родоначальником бурят был Баргу-батор. Он жил около Тобольска (у Заяханова — на р. Тобол, где был командующим войсками Тогон-Тэмура; у Маласагаева — на Аму-Дарье, служа делопроизводителем в армии Тогон-Тэмура) и имел трех сыновей. Через какое-то время Баргу-батор, оставив на месте старшего сына Илюдэр-Тургэна, от которого произошли калмыки, с другими сыновьями двинулся на восток. Он прибыл в Иркутскую губернию и остановился в Тунке, где определил на жительство среднего сына Гур-Бурята. От него образовались племена эхирит и булагат. Из Тунки Баргу-батор с младшим сыном Хоридоем направился по Лене в Якутскую область (у Маласагаева — Хоридой один ушел на о. Ольхон). Оставив Хоридой в Якутии, Баргу-батор вернулся в Иркутскую губернию, где скончался. Хоридой на Лене (у Заяханова — вблизи трех озер Сайдамто-Сага нур) женился на дочери неба птице-лебедю, а потом переехал на южную сторону Байкала. Его потомки — хоринские буряты, роды хангин и шарат.

Подробный анализ трех приведенных и остальных версий легенды о Баргу-баторе был осуществлен Г. Н. Румянцевым. Выявив в них ряд крупных ошибок и несоответствий исторического и этнографического характера, учтя тот факт, что легенды без объяснения причин внезапно начинаются с упоминания имени последнего хана Юаньской империи Тогон-Тэмура, он заключил, что они являются книжными вариантами легенд о Баргу-баторе, увидевшими свет между XVII и XIX веками. Их сочинителями выступили лица из правящей элиты бурятского общества, потому что именно у них как наиболее образованных людей своего времени могла возникнуть потребность осмыслить и дать свое понимание истории бурятского народа.

В созданные ими тексты были включены не только элементы древних мифов о Буха-Нойоне, Хоридое, лебедях, но и исторические сведения, заимствованные из разных книг и переработанные сообразно их собственным представлениям о событиях на берегах Байкала в то или иное время. Легенды, наполненные новыми мотивами, были призваны, с одной стороны, доказать кровное взаимородство основных бурятских племен эхирит, булагат и хори; с другой стороны, обосновать родство этих групп с баргутами как наиболее именитым монголоязычным этносом у Байкала, а также подвести базу под тезис о неотделимости бурят от остального монгольского мира, олицетворением которого в легендах выступают ойраты и монголы. В XIX веке, в условиях существенно поменявшихся социально-экономических отношений и политических настроений в бурятском обществе, легенды о Баргу-баторе претерпели значительные изменения. К их сочинителям приходило осознание того, что буряты представляют собой самостоятельный этнос, начавший складываться в верхнем течении Ангары и Лены. Соответственно этому взгляду, из вариантов легенд исчезли упоминания о приходе Баргу-батора к Байкалу с запада и его путешествии на север в Якутию. В них заметное место стало отводиться его среднему сыну Бурядаю, сыновья которого, Булагат и Эхирит, вместе с Хоридоем составили ядро бурятского народа. Эти пробудившиеся идеи национальной общности и национального единения, консолидации разобщенных прежде родов в единый народ, пришедшие на смену старым племенным мифам, вылились в легенды о Баргу-баторе и его сыновьях [Румянцев, 1962, с. 167, 170—173, 200—201].

Анализируя варианты легенд о Баргу-баторе, Г. Н. Румянцев пришел к пониманию того, что в их основе лежит неаутентичный фольклорный материал, использование которого в качестве источника при исследовании этнических проблем невозможно. Таковым бесспорно является сюжет о проживании баргутской общности в Западной Сибири и странствиях ее предводителя Баргу-батора не только в Среднюю Азию, но и в Якутию, а также мотив женитьбы его сына Хоридоя на девице-лебедь в низовьях Лены. Этот материал с точки зрения реальной истории никакого отношения к Якутии не имеет, но тем не менее он нередко используется в современных исследованиях для обоснования глубоко ошибочного мнения о генетическом родстве баргуджин-токумовских хоринцев и обитающей на Средней Лене якутской племенной группы хоролор (множ. число от этнонима *хоро*). Авторы гипотез полагают, что хоринцы якобы после их разгрома в 1207 году возле Байкала войском Чингис-хана, чего в действительности не было, бежали на Среднюю Лену, где на новом месте стали известны как *хоролоры* [Нимаев, 2000, с. 112; Румянцев, 1962, с. 144]. Однако анализ

собранного в Якутии архивного и полевого фольклорно-этнографического материала показывает, что хоролорская общность, почитавшая в качестве тотемов Ворона и Орла (не лебедя!), прибыла в средненеленский край не в начале XIII века с Байкала, а во второй половине I тыс. н. э. с Нижнего Амура, где по данным ряда ранних китайских и корейских источников находилось «государство Кори». Хорошо сохранившиеся у хоролоров формы обращения к тотемным предкам («Господин Дед», «Большой Дед») и многочисленные мифы являются прямыми аналогами образцов устного творчества северо-восточных палеоазиатов (чукчей, ительменов, коряков), близко созвучных с мифологией индейцев Северо-Западной Америки [Zoriktuev, 2013, pp. 203—209].

Если первая версия о местонахождении оз. Садамтын-Саган-нур в низовье Лены является отражением ошибочных взглядов сочинителей легенд о Баргу-баторе относительно пребывания Хоридоя, то есть хоринцев, в Якутии, а потому принята быть не может, то этого нельзя сказать о второй версии, согласно которой искомый водоем находился в Монголии. М. Н. Хангалов, сообщивший обе версии, не случайно склонялся ко второй, в связи с чем привел сведения, что шаманы после смерти «поступают в подчинение великим богам; белые шаманы подчиняются сатинским богам и живут в их помещениях (сатани-бурхахи-сулган)¹, которые находятся за Байкалом у озера Садамтын-Саган и представляются воображению бурят великолепными дворцами» [Хангалов, 1958, с. 391].

В данном отрывке упоминаются *сатинские боги*, которые, по материалам М. Н. Хангалова, в иерархии бурятского шаманизма занимают третье место после тэнгэринов (небожителей) и их сыновей хатов [Там же, с. 431]. Поклонявшиеся им кудинские, ольхонские и некоторые другие группы бурят называют их *сайтани бурхад*, то есть *сайтинскими божествами*. Идентичные по смыслу слова *сатани*, *сайтани* и *Садамтын* этимологически связаны с имеющимся в Юго-Западном Китае топонимом *Цайдам* — названием обширной местности в провинции Цинхай западнее оз. Куку-нор, на что в свое время обратил внимание Т. М. Михайлов [Михайлов, 1983, с. 122]. Сочетания с этим словами означают ‘цайдамские божества’, ‘Цайдамское Белое озеро’.

Исследователь Внутренней Азии П. К. Козлов объяснил, что слово *Цайдам* состоит из тибетских слов *ца* ‘соль’ (оно у монголов изменилось в *цай*. — Б. З.) и *дам* ‘грязь, болото’ [Козлов, 1905, с. 185]. Оба дают значение

1 Выражение передано неточно. Возможно, ошибка допущена при наборе текста. Должно быть: *сатани-бурхахи-сулган*, что в данном контексте дословно значит «совокупность сатинских богов». В их дворцах жили вступившие к ним в подчинение белые шаманы.

‘болотистая солончаковая местность’. Одной такой большой солончаковой местностью является юго-восточная часть Цайдама. Корковые солончаки местами покрывают поверхность безводного и слегка гористого северо-западного Цайдама. Поскольку жить в таких условиях крайне затруднительно, то местное население издревле обитало в предгорьях четырех хребтов, с разных сторон окаймляющих Цайдам (Алтынтаг, Наньшань, Бокалыктаг, Куньлунь), где имеются вполне подходящие условия для нормальной жизни. Об этом можно судить по остаткам сохранившихся там древних оросительных систем. Пока неясно, кому принадлежали еще видимые на земле канавы-арыки: то ли аборигенным племенам шарайголов, то ли пришедшим позже китайцам, то ли другим неизвестным этносам [Цайдам].

Молебствия сайтинским божествам, по материалам упоминавшегося выше М. Маласагаева, отличались от обычных шаманских. Они устраивались весной и осенью во время прилета и отлета птиц, прежде всего лебедей. При проведении обрядов зажигали свечу, использовали зеленый чай, кобылье молоко, рис и др. В жертву богам приносили четырехгодовалого барана, шкуру которого с конечностями (зүхли) воздевали на длинный березовый шест. Богам посвящали жеребенка. Во время жертвоприношения все присутствующие находились лицом на юг — в сторону пребывания сайтинских божеств [НАРБ, ф. 362, оп. 1, д. 6, л. 710—713].

Важно заметить, что название *Садамтын-Саган-нур* встречается не только в шаманском материале. В составе западных бурят есть род хайтал, который, судя по всему, оказался в Предбайкалье в XVII веке во время монгольских междоусобиц. В начале XX века хайталы на Верхней Лене, в Качуге, устраивали большой тайлган (жертвоприношение) родовым божествам. В обращении к ним, в частности, говорилось (приведем один фрагмент):

*... Алтай, Хангайн ёдоогоор амитхажэ гаралайт,
Хүхэй, Хангайн арсаар хүнгэтхэжэ ерэлэйт,
Үнээн Шара нуурта угаалгаяа хэжэ гаралайт,
Садамтын Сагаан нуурта аршаалажа ошолойт,
Урялхи ехэ утхаяа абажа ерэлэйт...*

(Запахом кедра Алтая и Хангая надышавшись, вы поехали,
Можжевелинником Хүхэя и Хангая освятившись, уехали,
В озере Үнээн Шара, совершив омовение, вы уехали,
В Сатинском Белом озере получив очищение, вы поехали,
Свой великий древний корень с собой вы привели ...) [Балдаев, 1970, с. 322].

Происхождение хайталов неизвестно. Но, если принять во внимание тот факт, что они в обращении к своим божествам упоминают западномонгольские топонимы *Алтай*, *Хангай* и *Хүхэй* (хр. Хан-Хүхэй. — Б. 3.), а сами были известны предбайкальскому населению как *джунгарские хайталы* [Балдаев, 1961, с. 76], то можно предположить, что данный род имеет ойратское происхождение и до прихода к Байкалу жил в северо-западном Китае. В таком случае с учетом территориальной близости Джунгарии к Цайдаму вполне допустимо, что хайталы хорошо знали оз. Садамтын-Саган, в водах которого до ухода к Байкалу совершили омовение (*аршаалажа ошолойт*). В целом надо признать, что материал С. П. Балдаева, повествующий о событиях не отдаленного, а относительно близкого XVII века, является еще одним весомым доказательством того, что оз. Садамтын-Саган находилось в Цайдаме.

Самую яркую специфику культа *сайтани бурхад* составляло присутствие в пантеоне божеств предка хоринцев Хоридоя и его супруги Хобоши. Характеризуя сайтинские божества, М. Н. Хангалов писал: «Сатинские боги — добрые, покровительствуют людям; к ним принадлежит Хоредойнойон и его жена Хобоши-хатун, дочь Неба Шара-Хасара, превращавшаяся в лебедя, почему буряты чтут лебедей и никогда не убивают ...» [Хангалов, 1958, с. 391].

То, что Хоридой и его жена Хобоши входили в число сайтинских божеств, свидетельствует о весьма давнем обитании в Амдо, в районе оз. Садамтын-Саган, тех этнических групп, которых они олицетворяли. Поэтому можно, на наш взгляд, утверждать, что прилегающая к данному озеру местность была древней прародиной хоринцев, которая называлась *Наян-Нава* и под этим именем сохранилась в их памяти. О ней до наших дней дошли короткое предание и песня «Наян Наваа». Слова этой песни нам довелось записать в 1978 году в Еравнинском районе Бурятии от широко известного в республике знатока фольклора и в целом традиционной культуры хори-бурят Р. Э. Эрдынеева. Текст его таков:

*Наян Наяа наяалуу
Наян Наваа минии гү,
Байдан Байдаа байдалуу
Байдан Ягаа минии гү,
Заян Заяа заяалуу
Заян Заяа минии гү.*

Текст песни, в чем единодушны все специалисты, крайне архаичен и труден для понимания. Поэтому дать его последовательный, без пропусков

и искажений, перевод — занятие весьма непростое. Р. Э. Эрдынеев так объяснил нам содержание песни: «*Наян Наваа* — это имя древней прародины хоринцев, она находилась между Монголией и Тибетом. Там родилось племя хори. *Наян Наваа* одновременно было наименованием горного перевала, *Байдан Ягаа* — названием высокой горы, *Байдан Байдаа (Бада)* — реки, *Заян Заяа* — либо озера, либо перевала, либо реки. В какое-то время, видимо, из-за возникших неурядиц, хоринцы оставили *Наян Наваа*. Песня о ней сложилась у них тогда, когда позади остался перевал *Наян Наваа*. В мелодии и тексте песни путем упоминания в нем дорогих сердцу хоринцев географических названий выражено тяжелое чувство расставания с родиной. Таков смысл песни “*Наян Наваа*”. Так исстари рассказывали хоринские старики» [ПМА].

Сообщение Р. Э. Эрдынеева, согласно которому *Наян-Нава* находилась между Монголией и Тибетом, согласуется с нашей точкой зрения о расположении прародины хоринцев в Цайдаме, вблизи оз. Садамтын-Саган. Совпадение двух взглядов с высокой степенью вероятности говорит о том, что хоринская прародина находилась западнее оз. Куку-нор, в Цайдаме. Окончательно прояснить этот вопрос может отыскание оз. Садамтын-Саган нур в данном районе. Сейчас между упоминавшимися хребтами Алтынтаг, Наньшань, Бокалыктаг и Куньлунь имеется несколько озер, в названиях которых есть слова *Цайдам* и *Цагаан (Сагаан)*. Удачное идентифицирование одного из них с гидронимом Садамтын-Саган фактически будет означать решение проблемы прародины хоринцев.

Что касается топонима *Наян-Нава*, то он, к большому сожалению, для Цайдама давно и безвозвратно утрачен. Об этом можно судить по тому факту, что многочисленным научным экспедициям, которые в XIX — начале XX веков в рамках изучения Тибета и Западного Китая не единожды заходили в Цайдам, никогда не встречалось название *Наян-Нава*. Видимо, события развернулись так, что вскоре после ухода хоринцев к Байкалу, это предположительно случилось на стыке I—II тыс. н. э., произошло переименование, причем не единичное, места их бывшего обитания у оз. Садамтын-Саган (подобных примеров множество в Китае). Это привело к тому, что со временем название *Наян-Нава* на чисто стерлось из памяти цайдамского населения. По этой причине оно не встречалось тем экспедициям, которые в разное время посещали район западнее Куку-нора. Что касается хоринцев, то они принесли к Байкалу первоначальное название своей бывшей родины *Наян-Нава*. Ее новое наименование, закрепившееся за ней после их исхода от оз. Садамтын-Саган, им, разумеется, было неизвестно.

4. Тюркские роды в этническом составе хоринцев

Теперь важно разобраться в следующем вопросе. Если Хоридой был воплощением цайдамской монголоязычной общности, то какую группу в плане этнической принадлежности представляла его супруга Хобоши? По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, имя *Хобоши*, которое должно было бы звучать *Хубаши*, близко напоминает якутское название лебедя *куба*. Например, одну из героинь якутского фольклора, явившуюся предкам якутов в образе лебедя, звали *Хубай-хатун*. Подчеркнув, что почитание лебедя у тюрков носило массовый и исконный характер, Ц. Б. Цыдендамбаев заключил: «Тотем хоринцев *хун шубуун* — “птица-лебедь”, который иногда персонифицируется <...> как *Хобоши-хатун*, имеет тюркское происхождение» [Цыдендамбаев, 1972, с. 224—225].

Аналогичную позицию занимает Д. С. Дугаров. Он пишет, что в монгольских языках слово *хобоши* не зафиксировано. Оно заимствовано из тюркского языка и имело несомненную связь с упоминающимся в якутском олонхо об Ар-тойоне именем его супруги Хубай-хатун. Оба имени, Хобоши и Хубай, восходят к древнетюркскому слову *куба* и означают ‘лебедь’. Сохранение имени *Хобоши* в сакральной лексике бурятской мифологии указывает на его большую древность и первоначальное возникновение в тюркской среде [Дугаров, 1993, с. 220—221].

Выводы Ц. Б. Цыдендамбаева и Д. С. Дугарова согласуются с доминирующим среди исследователей мнением, что культ лебедя был присущ тюркским этносам [Потапов, 1969, с. 54—55; Харузин, 1905, с. 62]. Поэтому если имя *Хобоши* имеет тюркское происхождение, то его владелица — дева-лебедь — была олицетворением прибывших в Цайдам тюркских лебединых родов. Дальнейшее развитие событий, что видно из легенды о Хоридое, привело к слиянию пришлой тюркской группы с местными монголоязычными родами и заимствованию последними культа лебедя, который со временем стал считаться исконно хоринским. Что касается тобаско-хоринской легенды о происхождении от собаки (таковая, разумеется, имела место в фольклоре ранних хори), то она, утратив свое прежнее значение, осталась в памяти одного галзутского рода. Когда и какие тюркские роды присоединились к хоринцам и почему те, имея монгольские корни, переняли тотем тюрков и, подобно им, стали почитать лебедя? Чтобы легче было уяснить эти вопросы, необходимо рассмотреть историю пришедших в Цайдам тюркских лебединых родов.

Ц. Б. Цыдендамбаев на основе анализа современных родовых самоназваний хоринцев предположил, что в составе их племени было пять тюркских родов: хуасай, хубдун, харгана, худай, хальбин. Два первых рода по-

читали лебеда. Их наименования, считал автор, образованы от тюркского слова *куба* ‘лебедь’ [Цыдендамбаев, 1972, с. 201—203]. Нам представляется, что лебединых родов у хоринцев было больше. На западной стороне Байкала живут роды хангин, шарят и харят, которые как свою прародительницу почитают лебеда и этим издавна были известны в регионе как группы, относившиеся в прошлом к хоринскому племени [Потанин, 1883, с. 23—25; СБЗРС, 1890, с. 125—126].

С приведенным мнением о хангинах был согласен Г. Н. Румянцев. Проанализировав этнонимы *хангин* и *хальбин*, рассмотрев генеалогические предания их носителей, он подчеркнул безусловную «правильность отождествления западнобурятского рода хангин с хоринским родом хальбин» [Румянцев, 1962, с. 196]. Это замечание относимо и к шарятам, которые прежде, вне всякого сомнения, были частью хоринского рода шарайт. Тезис о том, что шаряты являются бывшими хоринцами, доказывается аналогией их легенды о происхождении с хоринской (имеется в виду тот вариант легенды об охотнике и лебеде, который был перенят хоринцами в Цайдаме от тюркских родов и со временем осознан ими как свой собственный. — Б. З.). Не случайно легенды обеих групп были изданы тонким знатоком бурятского фольклора П. П. Баторовым одним сплошным текстом под единым заголовком [СБЗРС, 1890, с. 125—126].

Что касается харятов, то устная традиция западных бурят твердо считает их имевшими близкое родство с шарятами и, следовательно, с хоринцами, потому что родственный харятам шарятский род отпочковался от хори [Румянцев, 1962, с. 198]. Харятская и шарятская легенды отличаются от хоринской тем, что в них, как выявляется по записям Г. Н. Потанина у аларских бурят, в роли прародителя выступает не Хоридой, а шаман Одюгэ-Хогор-бо [Потанин, 1883, 24—25]. Вероятно, это объясняется тем, что харятский род целиком и шарятский частично очень давно, раньше хангинов, вышли из состава хори. Долгое и обособленное их существование в отрыве от хоринцев привело к тому, что с течением времени в легендах образ Хоридоя сменился фигурой шамана Одюгэ-Хогор-бо.

Однако на более позднем этапе шарятская легенда стала отличаться от харятской, что, наверное, было обусловлено разделением двух групп и их проживанием в разных местах. Об этом говорит анализ легенды шарятов, записанной нами у качугских бурят Иркутской области, где живет небольшой осколок данной группы. Фабула легенды такая же, как у харятской, поэтому пересказывать ее нет смысла. Отличие лишь в том, что предка шарятов зовут не *Одюгэ-Хогор-бо*, а *Шарахай*, а озеро, где произошла его женитьба на девушке-лебеде, называется *Хангай* [ПМА]. Отдельные ин-

форманты объясняли, что это озеро находится в нынешней Иркутской области. Однако там такого водоема нет, в связи с чем более верным кажется предположение, что под именем *Хангай* скрыто название Хангайского нагорья в Западной Монголии, которое одной стороной близко подходит к северо-западной окраине страны. Там находилась первоначальная родина шарятов, о чем более развернуто будет сказано далее. Поэтому не исключено, что шаряты после отделения от харятов жили в Хангае, может быть, даже вблизи озера, имевшего это же имя. Этот гидроним *Хангай* вошел в их родовое предание, которое позже небольшой ветвью шарятов оказалось занесенным на Верхнюю Лену.

Таким образом, согласно приведенным нами данным, сначала в составе хоринского племени было пять тюркских чисто лебединых родов: хуасай, хубдуг, хальбин (хангин), шарайт (шарят) и харят, — что подтверждает предположение Ц. Б. Цыдендамбаева о тюркском происхождении некоторой части хоринцев. Бывшие сородичи хангинов и шарятов, подразделения с первоначально звучавшими названиями *хальбин* и *шарайт*, имеются в нынешней родовой номенклатуре хори. Что касается харятов, то они в прошлом в ней тоже были. Но на каком-то позднем этапе выпали из нее, поэтому тюркских родов в составе хоринцев осталось четыре. Тогда семь других родов — харгана, худай, галзуг, гучит, бодонгут, батнай, цаганут — имеют, надо полагать, монгольские корни, хотя этническая принадлежность харганаевцев и худаевцев, которых Ц. Б. Цыдендамбаев относил к тюркским родам, требует дополнительного изучения [Цыдендамбаев, 1972, с. 194—199, 207—209].

Становление оказавшихся в составе монголоязычных хоринцев тюркских лебединых родов со всеми присущими им этническими атрибутами относится к Саяно-Алтаю и смежным с ним районам Северо-Западной Монголии. Об этом говорит тот факт, что основной вариант хоринской легенды (напомню, он был перенят хоринцами от тюрков в Цайдаме. — Б. 3.) по типологии идентичен легендам о происхождении от лебедя тувинского племени куулар ('лебеди') и обурятавшейся племенной общности хонгодор (семантика ее самоназвания — 'Солнечной Лебедицы потомки') [Дугаров, 1993, с. 230]. Хонгодоры и некогда вышедшие из состава хоринцев роды хангин, шарят и харят говорят о себе, что пришли к Байкалу с юго-запада, то есть со стороны Северо-Западной Монголии и Саяно-Алтая [Павлов, 2007, с. 29; Потанин, 1883, с. 23, 24; Санжеев, 1929, с. 467; ЦВРК, инв. номер 3444 (1), л. 10].

Кууларская легенда по содержанию не отличается от хонгодорской, в связи с чем текст последней здесь приведен не будет. Что касается ле-

генды кууларов, то она была записана нами у их соплеменников, живущих в Хубсугульском аймаке Монголии. В ней сообщается, что очень давно один охотник промышлял на берегу озера. Вдруг на берег спустились восемь лебедей, которые сняли свои птичьи одежды, превратились в девушек и стали купаться в озере. Охотник похитил одну одежду. Когда девушки вышли из воды и облачились в свои наряды, они вновь превратились в лебедей и взмыли в небо. Та же, которая осталась без одежды, стала женой охотника. Она родила сына, от которого образовались роды цагаан куулар, улаан куулар, хар куулар, шар куулар [ПМА].

Хоринцы, рассказывая свою легенду, обычно дополняют ее словами *хори хун шубуун гарбалтай, хуһан модон сэргэстэй* (хоринцы имеют предком лебедя, обладают березовой коновязью). Такое же поверье существует и у кууларов, только они говорят, что имеют не березовую коновязь, а березовую трость, под которой, по-видимому, подразумевается шаманская трость. У кууларов поверье звучит так: *Хуулар хун шувуу гарвалтай, хусан модон таягтай* (Куулары имеют предком лебедя и обладают березовой тростью) [Там же].

Наличие единой по типологии легенды о происхождении от прародительницы-лебедя является весомым свидетельством близкого родства в прошлом, с одной стороны, вошедших в состав хоринцев названных нами выше пяти тюркских родов, с другой стороны, таких же тюркских по происхождению общностей хонгдор и куулар. По западную сторону Байкала еще относительно недавно широко бытовало мнение, что «Хонхондор, Хоредой, Хангин и Шарайд были одного происхождения (одного сначала рода)» [СБЗРС, 1890, с. 125]. Родство было настолько заметным, что удостоилось упоминания в шаманских призываниях. Например, о родстве хонгдоров и хоринцев в одном из них говорилось:

*Хон шубуун хуряалатай, сэн шубуун сэмэлгэтэй,
Хори-монгол гарбалитай, тэнгэрийн найман хүүхэднэй тарахан
Хоёр отог хонгоодор ...*

(Два отока хонгдоров — потомки восьми небесных дев,
Имеющие хори-монгольское происхождение ...) [Галданова, 1992, с. 12].

Как позволяет судить имеющийся материал, все упоминавшиеся тюркские группы-лебединцы первоначально входили в состав телеского племенного объединения, которое в первых веках нашей эры располагалось на территории Монголии, смежной с Тувой [История Тувы, 2001, с. 68].

Благодаря своему стержневому признаку — тотему *лебедь* — лебедины представляли собой единую и в то же время несколько обособленную метаэтническую общность, что позволило ей максимально сохранить свою самобытность. О единстве общности, скрепленной общей идеологией, говорит то, что все входившие в ее состав этнические компоненты, несмотря на некоторое этнокультурное различие между ними, обладали однотипной, некоей усредненной по сюжету легендой о происхождении. В ней описываемые события разворачиваются на берегу безымянного озера, где не имевший имени охотник совершает одни и те же стандартные действия и вступает в брак с лебедем-оборотнем. Такими вначале были легенды всех перечисленных выше этнических групп. Позже в некоторых из них появились другие известные сейчас подробности (конкретное имя охотника, названия отдельных географических объектов, указание разного числа прилетавших на озеро лебедей и т. д.), отсутствовавшие ранее. Здесь сыграли свою роль особенности культуры той или иной группы, ее выход из состава метаэтнической общности, смена места обитания, взаимодействие с другими этносами, переход на другой, более статусный уровень этнической иерархии и другие факторы.

Формирование культа лебедя у телесцев шло параллельно со сложением этого же культа у тюрков-тукю. Начиная с концепции Н. А. Аристова, не утратила своего значения гипотеза, что у тукюсцев очаг почитания лебедя сложился накануне образования тюркских каганатов на Северном Алтае, в долине р. Лебедь [Аристов, 1896, с. 278—280]. По отношению к теле такой гипотезы нет. Но если учесть, что тукюские и основные телеские племена имели общее хуннское происхождение, что история обеих групп развивалась на смежных, часто пересекавшихся территориях, что ряд тюркских этносов, связанных по происхождению с лебедем, либо живут, либо жили в Саяно-Алтае и сопредельной с ним Северо-Западной Монголии, то можно предположить, что у телесцев культ лебедя сложился в саяно-алтайском регионе. Формирование двух тюркских, а может быть, одного общего тукю-телеского очага почитания лебедя привело к тому, что к середине I тыс. н. э. Саяно-Алтай стал мощным центром формирования культа предка-лебедя в Евразии.

В период с конца V века по 30-е годы VI века в истории телесцев произошли два крупных взаимосвязанных события, которые определили всю дальнейшую судьбу лебединов. В 492 году правитель теле Афучжило, выйдя из подчинения жужаньского кагана, со всем своим народом (свыше 100000 юрт), в составе которых, надо думать, были и роды, вошедшие позже в Цайдаме в состав хоринцев, с верховья Селенги ушел на запад. Между

Верхним Иртышом и Восточным Тянь-Шанем он получил от старейшин титул «Великий сын Неба» и основал недолго просуществовавшее Гао-гуйское государство [Бичурин, 1950, с. 216—217; Хандсурэн, 1994, т. 21].

В 536 году телесцы во время похода на жужаней подверглись нападению племен тукю. Они были разбиты и захвачены ими в плен в количестве 50 000 кибиток [Бичурин, 1950, с. 228, 301]. Это событие привело к распаду метаэтнической общности и уходу части родов-лебединцев в Амдо, конкретно — к оз. Садамтын-Саган. Эти роды, вероятно, были первыми тюркскими группами, проникшими в район Цайдама. Вскоре численность тюрков резко увеличилась. К 555 году вся территория до Куку-нора была включена в состав Тюркского каганата, возглавлявшегося племенами тукю [Грумм-Гржимайло, 1899, с. 34—35].

На юг роды-лебединцы ушли не все. Харяты, части хальбинов и шарайтов, возможно, тоже будучи захваченными тукюсцами в плен, остались на северо-западе Монголии. Не исключено, что некоторое время спустя харяты и шарайты были переселены в Западную Монголию, откуда потом шарайты, о чем было сказано, — на Хангайское нагорье. Из Монголии все три группы, предположительно после XIII века, порознь пришли на западную сторону Байкала. Продолжительное их нахождение в отрыве от основной массы хоринцев привело к тому, что названия *хальбин* и *шарайт* приняли у них несколько измененные формы *хангин* и *шарят*.

5. Образование племенной группы хори и ее исход из Наян-Нава

По приходе с Саяно-Алтая в Цайдам тюрко-телеских родов и их объединении с хоринскими родами образовалась племенная общность, которая, будучи основанной на базе монголоязычных групп, стала называться *хори*. Тюркоязычные роды в составе хоринцев монголизировались. Племя состояло из двух половин, называвшихся *шаралдай* и *нагатай*. Главными родами в них были галзут и харгана, из которых первый, а с ним шаралдаевская половина считались ведущими в этносе. По мнению Б. О. Долгих, разделение хоринцев на две части было связано с древним делением их племени на фратрии [Долгих, 1960, с. 332].

С образованием хоринского племени сложились ранние цайдамские варианты легенды о предке Хоридое, вступившем в брак с дочерью неба лебедем Хобоши. Благодаря данным вариантам прояснились многие страницы начального этапа этнической истории хори. В частности, из них теперь известно, что, начиная с цайдамского оз. Садамтын-Саган, птица-лебедь стала для хоринской общности, включая собственно хоринские роды, общим тотемным культом. Тут впору снова задаться поставленным выше

вопросом. Как произошла такая трансформация, как получилось, что тюркский тотем *лебедь* стал считаться монголоязычными хоринцами своим?

Ц. Б. Цыдендамбаев, с мнением которого был солидарен Д. Д. Нимаев [Нимаев, 2000, с. 76], так трактовал этот сложный вопрос. «Суть дела, — пишет он, — по-видимому, заключалась в том, что хоринцы очень долго (вторую половину I тыс. н. э. — Б. 3.) находились в экзогамных взаимоотношениях и вместе с тем в зависимых отношениях с тюрками, имевшими тотем *ку* (или *куба*) — ‘лебедь’. Надо думать, что эти тюрки могли навязать свой тотем хоринцам в условиях известного в истории господства тюркоязычных племен в Центральной (то есть Внутренней) Азии» [Цыдендамбаев, 1972, с. 225].

Мы полагаем, дело не в навязывании тюрками путем грубого силового давления своего тотема. Если бы он был навязан, то почему у хоринцев по завершении во Внутренней Азии тюркского господства не получил развитие процесс возвращения своего исконного тотемического предка собаки? Думается, объяснение проблемы лежит в совершенно иной плоскости. По нашему глубокому убеждению, у племени как типа этнической общности с его ярко выраженной тенденцией к культурно-языковому единству и эндогамии не могло быть места для проявления этнической ксенофобии. Это в полной мере относилось и к тюркам. Прибывшие к оз. Садамтын-Саган и вступившие там в тесное взаимодействие с хоринцами тюркские роды-лебединцы сыграли важную роль в образовании их племени. Максимально проявленная при этом, надо думать, с обеих сторон толерантность явилась тем фундаментом, на котором лебедь была принята хоринскими родами в качестве их легендарной праматери. Отмеченный факт нашел прямое отражение в таком информативном элементе хоринской культуры середины I тыс. н. э., как счет родства. Системы терминов родства, как считают специалисты, обладают большим информационным потенциалом и служат наиболее точным источником для реконструкций социальной истории бесписьменных народов [НРМ, 2000, с. 899].

Важно подчеркнуть, что хоринцы ко времени поселения около оз. Садамтын-Саган, подобно своим предкам тобасцам, находились на той стадии социального развития, когда в области систем счета родства, кроме патрилинейного, были сильны традиции матрилинейного счета родства. Поэтому слияние в Цайдаме в середине I тыс. н. э. местных монголоязычных и пришлых омонголившихся тюркоязычных групп обусловило сложение и функционирование в складывавшемся хоринском этносе системы двойного счета родства, известной также как *дуолинейность*. При двойном счете родства одновременно формируются патрилинейные (связанные с предком

мужского пола) и матрилинейные (связанные с предком женского пола) родственные объединения. Реально на практике это означает, что каждый член общества, что крайне важно уяснить, одновременно принадлежит и к патрилинейной, и к матрилинейной родственной группе [Там же, с. 884].

У хоринцев для практической реализации системы двойного счета родства чрезвычайно удобной оказалась принесенная тюркскими родами легенда об охотнике и деве-лебедь, вошедшая в систему ментальных установок монголоязычной части этноса. В соответствии с дуолинейностью все 11 хоринских родов и, соответственно, все члены каждого родового подразделения по патрилинейному счету родства принадлежали к одной родственной группе, связанной с предком-праотцом Хоридоем. Поэтому с определенного времени все хоринские роды, безотносительно к своему происхождению, стали утверждать, что они порождены этим легендарным персонажем. По матрилинейному счету родства эти же 11 родов и, соответственно, все их члены также принадлежали к одной родственной группе, но уже имевшей связь с легендарной праmaterью — девой-лебедь Хобоши. По этой причине вся племенная общность хоринцев, также независимо от разности происхождения родов, помимо Хоридоя, считала своим предком-прапродительницей Хобоши.

В конце I тыс. н. э. у монголов, в том числе и у хоринцев, утвердились нормы отцовского рода. Необходимость эффективного решения проблем, связанных с наследованием собственности, распределением властных функций, получившая широкое развитие практика составления генеалогий привели к тому, что у хоринцев вместо дуолинейности закрепилось унилинейное, патрилинейное правило счета родства. По нему непрерывная связь от потомка к предку, в том числе к легендарному прапродителю Хоридою, велась исключительно по мужской линии. Однако мудрость хоринцев проявилась в том, что они, несмотря на смену счета родства, соблюдая традиции предков, сохраняя почтительное отношение к родству по материнской линии, свято из поколения в поколение берегли память о легендарной прапродительнице лебедь. Поэтому не случаен тот факт, что сегодня в местах расселения хоринских родов не найти человека, который не знал бы сакрального для всего его этноса изречения *хори хун шубуун гарбалтай* (хоринцы произошли от лебедя). Это короткое выражение убедительно дает знать, что культ праматери лебедя появился у хоринцев не потому, что он некогда был силой навязан им тюрками (такого явления в хоринской истории не было), а потому, что их этнос был плотно встроен в структуру социально-экономических отношений своей эпохи, в частности, в исторически обусловленные системы социального родства, одной из форм которых

была охарактеризованная выше система дуолинейности. Альтернативы ей в хоринском обществе того времени не было.

Этот важнейший момент остается непонятым исследователями. Например, если бы Д. С. Дугарову удалось установить, что в хоринской легенде ее главные герои — Хоридой и Хобоши — олицетворяют два разных этнических начала со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые изложены выше, то это непременно отразилось бы на его выводах о происхождении хоринцев. Он предположил бы, что они изначально представляли собой не тюркоязычный этнос, как он написал в одной из своих работ [Дугаров, 1993, с. 231], а монголоязычную этническую общность.

Трудно сказать, что произошло дальше, может быть, начались межплеменные распри за лучшие места обитания в Цайдаме, но предположительно на рубеже I—II тыс. н. э. хоринцы оставили Наян-Нава и оказались в верховье Лены на западной стороне Байкала. Они были одной из первых монголоязычных групп на берегу сибирского моря и в XIII веке прочно входили в состав предбайкальского населения [Рашид ад-дин, 1952, с. 77, 121, 124, 150, 156]. На это указывает этнографический материал, собранный нами у качугских и ольхонских бурят. Так, на Верхней Лене находится особо почитаемая местными бурятами гора Ягшал. Ее эжином (духом-хозяином) является Хорёодой Ехэ Ыбгэн (Великий старец Хоридой), а его супругой — Хобширой Ехэ Хатан (Великая госпожа Хобширой). *Хорёодой* и *Хобширой* являются местными вариантами имен *Хоридой* и *Хобоши*, дополненными почетными эпитетами *мэргэн* и *хатан*. Шаманы на *тайлга-нах*, угощая Хоридоя и Хобширой, произносили:

Үндэр Ягшаал һуудалтай,

Үргэн Сармаар гүйдэлтэй,

Хорёодой Ехэ Ыбгэн,

Хобширой Ехэ Хатан,

Хүртэгты!

(Имеющий местожителем высокий Ягшал,

Имеющий дорогу по широкой Сарме,

Великий старец Хоридой,

Великая госпожа Хобширой,

Отведайте!) [ПМА].

В Качуге приток р. Илга называется *Хори*, что также может рассматриваться как свидетельство обитания хоринцев на Верхней Лене. В составе ольхонских бурят есть хоринский род галзут, который, по сообщению информантов, пришел с Лены.

Со временем хоринцы несколько сместились южнее, охватив устья р. Большая и Малая Бугульдейка и о. Ольхон. С Ольхона они проникали дальше в Забайкалье. В начале XVII века они заняли правый берег низовьев Селенги, называвшийся *Кударинской степью*, а несколько позже освоили долину Уды и ее притоки. Переселение хоринцев на восточную сторону Байкала завершилось к 40-м годам XVIII века [Долгих, 1960, с. 328]. Этот финальный этап этнической истории хори получил развернутое выражение в широко известном ныне позднем байкальском варианте легенды о Хоридое, в котором все действия происходят на Ольхоне и обоих берегах Байкала. Данная версия легенды, необоснованно считаясь единственной, привела к достаточно прочно закрепившемуся в бурятоведении ошибочному мнению, что хоринцы являются автохтонами Байкальского региона.

6. Заключение

Предками племенного этноса хори была сяньбийская общность тоба. В начале IV века тобасцы с востока Монголии прибыли в Амдо, к оз. Куку-нор, где стали известны как хор-тоба. Там из их состава, унаследовав сяньбийский тотем *собака*, выделилась группа родов хор (хори), осевшая в Цайдаме. Об этом эпизоде в бурятском фольклоре сохранились отголоски двух ранних вариантов легенды о Хоридое и его супруге лебедь Хобоши, сложение которых связано с цайдамским оз. Садамтын-Саган-нур. Они в комплексе с другими источниками свидетельствуют о том, что прилежавшая к этому водоему территория была древней прародиной хоринцев, оставшейся в их памяти как Наян-Нава. В начале VI века к оз. Садамтын-Саган с Саяно-Алтая прибыла группа тюркских родов-лебединцев, слияние которой с хоринскими родами привело к образованию двуфратриальной племенной общности хори. Тюркоязычные роды в ее составе омонголились. В племени функционировала система двойного счета родства, в соответствии с которой все 11 хоринских родов, помимо Хоридоя, считали своей прародительницей деву-лебедь Хобоши. В конце I тыс. н. э. у них утвердились нормы отцовского рода. Несмотря на это, уважительное отношение хоринцев к родству по материнской линии до сегодняшнего дня сохранило у них память о легендарной праматери-лебедь. Прежний сяньбийско-тобаский тотемный культ собаки, утратив былое значение, сохранился в форме родового самоназвания *галзут*. Ориентировочно на рубеже I—II тыс. н. э. хоринцы, оставив Наян-Нава, прибыли на Верхнюю Лену. В их лице состоялось одно из первых проникновений монголоязычных этносов к Байкалу. С верховья Лены, через о. Ольхон хоринцы к середине XVIII века перешли в Забайкалье. Данный период отразился в позднем байкальском варианте

легенды о Хоридое и Хобоши, в котором все события происходят на Ольхоне и обоих берегах Байкала.

Acknowledgments: The study was financially supported by the grant of the Government of the Russian Federation No. 14.W03.31.0016 “Dynamics of Peoples and Empires in the History of Inner Asia». / Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Источники и принятые сокращения

1. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н. А. Аристов. — Живая старина. — Санкт-Петербург : Типография С. Н. Худекова, 1896. — Выпуск III—IV. — С. 277—456.
2. *Балдаев С. П.* Избранное / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1961. — 255 с.
3. *Балдаев С. П.* Родословные легенды и предания бурят. Булагаты и эхириты / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1970. — Ч. 1. — 361 с.
4. БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка*. — Москва ; Санкт-Петербург : «Наука», 2011. — 706 с.
5. *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. — Том 1. — 380 с.
6. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край / Г. Е. Грумм-Гржимайло. — Ленинград : Учен. ком. Монгол. респ., 1926. — Т. 2. — 893 с.
7. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Материалы по этнологии Амдо и Куку-нора / Г. Е. Грумм-Гржимайло // Известия Императорского Русского географического общества. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. — Т. 44, выпуск 7. — С. 437—479.
8. *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Описание путешествия в Западный Китай / Г. Е. Грумм-Гржимайло. — Санкт-Петербург : Типография В. Киришаума, 1899. — Том II. — 432 с.
9. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / С. А. Козин. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. — Ч. 1. — 619 с.
10. *Козлов П. К.* Монголия и Кам / П. К. Козлов // Труды императорского географического общества. — Санкт-Петербург : Типо-Литография «Герольд», 1905. — Т. 1, ч. 1. — 256 с.
11. *Миньчжул-Хутукт.* География Тибета : Доложено в заседании Историко-филологического отделения 2 мая 1889 г. / Миньчжул-Хутукт. — Санкт-Петербург : типография Императорской Академии наук, 1895. — [4], 95 с.
12. НАРБ — *Национальный архив Республики Бурятия*. Мангатхан Маласагаев. Ф. 362. Оп. 1, д. 6. Л. 710—716 ; Ф. 362. Оп. 1, д. 13. Л. 75—79.
13. НРМ — *Народы и религии мира*. Энциклопедия / главный редактор В. А. Тишков. — Москва : Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 2000. — 926 с.
14. *Ниневия* [Электронный ресурс] / Википедия. — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ниневия>.
15. ПМА — *Полевые материалы автора*, собранные в Еравнинском районе Республики Бурятия, Качугском и Ольхонском районах Иркутской области, Хубсугульском аймаке Монголии в 1978, 1979, 2002, 2007, 2008 гг.

16. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Дневник путешествия / Г. Н. Потанин. — Санкт-Петербург : тип. В. Безобразова и К^о, 1883. — Выпуск III. — 372 с.
17. *Прародина* [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Прародина>.
18. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей / перевод с персидского А. А. Хетагурова ; редакция и примечания А. А. Семенова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. — Том 1, книга первая. — 221 с.
19. Санжеев Г. Д. Песнопения аларских бурят / Г. Д. Санжеев // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. — Ленинград, 1929. — Т. 3, вып. 2. — С. 459—552.
20. СБЗРС — *Сказания бурят*, записанные разными собирателями. Издано на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева (Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии). — Иркутск : Печатано в типографии К. И. Витковской, 1890. — Т. 1, выпуск 2. — 159 с.
21. СЭПТ — *Свод этнографических понятий и терминов*. Этнические и этносоциальные категории / ответственный редактор В. И. Козлов. — Москва : ИЭА РАН, 1995. — 163 с.
22. Хангалов М. Н. *Собрание сочинений* / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. — Том 1. — 549 с.
23. Хангалов М. Н. *Собрание сочинений* / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1960. — Том III. — 421 с.
24. Харузин Николай. *Этнография*. Лекции, читанные в Императорском Московском университете, под редакцией В. Харузиной. Верования / Н. Харузин. — Санкт-Петербург, 1905. — IV. — 530 с.
25. *Цайдам* [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа : <https://geosfera.org/aziya/kita/2483-caydam.html>.
26. ЦВРК — *Центр* восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Махатов Б. Легенда о происхождении бурят Иркутской губернии и Забайкальской области, составленное по материалам Заяханова Ивана Заяхановича. Общий архивный фонд. Инв. номер 225 / в. Лл. 1—3.
27. ЦВРК — *Центр* восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Полевые записи Цыдендамбаева Ц. Б. Общий архивный фонд. Инв. номер 3444 (1). Лл. 10.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. — Москва : Наука, 1980. — 223 с.
2. Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX — первая половина XX в.) / Г. Р. Галданова. — Новосибирск : Наука, 1992. — 171 с.
3. Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) / Б. Б. Дашибалов. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2005. — 200 с.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. — 621 с.
5. Доржин Ц. Ц. Легендарная земля Наян-Наваа и белое пятно бурятской истории (Взгляд с позиций исторической географии) / Ц. Ц. Доржин. — Улан-Удэ : Издательство ОАО «Республиканская типография», 2003. — 34 с.

6. *Дугаров Д. С.* К проблеме происхождения хонгодоров / Д. С. Дугаров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск : ВО «Наука», 1993. — С. 207—235.
7. *Зориктуев Б. Р.* К истории племенной группы хори / Б. Р. Зориктуев // Вестник Калмыцкого университета. — 2019. — № 3 (43). — С. 13—19.
8. *Зориктуев Б. Р.* Тюркская версия происхождения предания об Эргүнэ-куне : ошибки и заблуждения / Б. Р. Зориктуев // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2015. — Т. 43, № 3. — С. 107—115.
9. *История Тувы.* Издание второе / под общей редакцией С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. — Новосибирск : Наука, 2001. — Т. I. — 364 с.
10. *Кляшторный С. Г.* Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. — Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. — 346 с.
11. *Михайлов Т. М.* О сайтинских божествах в шаманской религии бурят / Т. М. Михайлов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. — Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1983. — С. 114—126.
12. *Нимаев Д. Д.* Буряты : этногенез и этническая история / Д. Д. Нимаев. — Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2000. — 188 с.
13. *Павлов Е. В.* Культ «хозяина» истока Ангары Ама Саган ноёна : к проблемам ареальной вариативности, семантики и генезиса / Е. В. Павлов // В мире традиционной культуры бурят. — Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2007. — Выпуск 2. — С. 25—32.
14. *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев / Л. П. Потапов. — Ленинград : Наука, 1969. — 196 с.
15. *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят / Г. Н. Румянцев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1962. — 265 с.
16. *Хандсүрэн Ц.* Жужаны хаант улс / Ц. Хандсүрэн. — Улаанбаатар : ШУХЭвлэлийн «Эрдэм» компани, 1994. — 55 т. (Хандсүрэн Ц. Жужанское ханство / Ц. Хандсүрэн. — Улан-Батор : Издательская компания «Знание», 1994. — 55 с.)
17. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование / Ц. Б. Цыдендамбаев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1972. — 658 с.
18. *Zoriktuev B. R.* Paleoasians in the Ethnogenesis of the Yakuts (on Mythology Data of the Yakut Ethnical Community of the Khoru) / B. R. Zoriktuev // Advances in Anthropology. — 2013. — Vol. 3, № 4. — Pp. 203—209.

NAYAN-NAVA AND THE ETHNOGENESIS PROBLEM OF THE BURYAT TRIBAL COMMUNITY OF KHORI¹

© **Bulat R. Zoriktuev (2020)**, orcid.org/0000-0001-5760-0064, Doctor of History, chief researcher, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), enhe_z@mail.ru.

1 The study was financially supported by the grant of the Government of the Russian Federation No. 14.W03.31.0016 “Dynamics of Peoples and Empires in the History of Inner Asia”.

The ethnogenesis of the leading Buryat tribal community of the Khoris is investigated. It was established that their ethnic ancestors were the Mongol-speaking Syanbi ethnic group of the khor-toba. It was determined that in the 4th century in the south-west of China, in Amdo, a group of tribes, called the *Khoir (Khoris)*, emerged from the composition of the khoris-toba. It settled in Tsaidam near lake Sadamtyn-Sagan-nur. Much attention is paid to the identification of early Tsaidam versions of the Khorin legend about the ancestor of Khoridoi and his wife, Maiden Swan Khoboshi. An analysis of legends, combined with data from various sources, testified that the territory adjacent to Sadamtyn-Sagan-nur was the ancient ancestral home of the Khorintsy, which remained in their memory as Nayan-Nava. It is proved that the main character of the Khorin legend Khorida is the personification of the Tsaidam Mongol-speaking clans - Khoboshi, who came from the Sayano-Altai in the VI century with the Mongolized Turkic-speaking ethnic components. It was established that the interaction and merger of these groups led to the formation of the Khoris tribe in Tsaidam. It was found that approximately at the turn of the I—II thousand n. e. the Khorintsy, leaving Nayan-Nava, went to Lake Baikal.

Key words: community of khor-toba; Khoris tribe; Khorida Khoboshi; Amdo; Tsaidam; Lake Sadamtyn-Sagan-nur; Nayan Nava; Baikal.

MATERIAL RESOURCES

- Aristov, N. A. (1896). *Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostey i svedeniya ob ikh chislennosti. Zhivaya starina, III—IV*. Sankt-Peterburg: Tipografiya S. N. Khudekova. 277—456. (In Russ.).
- Baldayev, S. P. (1961). *Izbrannoye*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Baldayev, S. P. (1970). *Rodoslovnyye legendy i predaniya buryat. Bulagaty i ekhirty, 1*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- BASRYa — *Bolshoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka*. (2011). Moskva; Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Bichurin, N. Ya. (1950). (Iakinf). *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena, 1*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimaylo, G. E. (1899). *Opisaniye putesthestviya v Zapadnyy Kitay, II*. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Kirshbauma. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimaylo, G. E. (1908). *Materialy po etnologii Amdo i Kuku-nora. Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 44 (7)*. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 437—479. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimaylo, G. E. (1926). *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray, 2*. Leningrad: Uchen. kom. Mongol. resp. (In Russ.).
- Khangalov, M. N. (1958). *Sobraniye sochineniy, 1*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Khangalov, M. N. (1960). *Sobraniye sochineniy, III*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Kharuzinoy, V. (ed.) (1905). *Kharuzin Nikolay. Etnografiya. Lektsii, chitannyye v Imperatorskom Moskovskom universitete. Verovaniya, IV*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Kozin, S. A. (1941). *Sokrovennoye skazaniye. Mongolskaya khronika 1240 g. In: Vvedeniye v izucheniye pamyatnika, perevod, teksty, glossarii, 1*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Kozlov, P. K. (1905). *Mongoliya i Kam. In: Trudy imperatorskogo geograficheskogo obshchestva, 1 (1)*. Sankt-Peterburg: Tipo-Litografiya «Gerold». (In Russ.).

- Minchzhul-Khutukta (1895). *Geografiya Tibeta: Dolozheno v zasedanii Istoriko-filologicheskogo otdeleniya 2 maya 1889 g., 4*. Sankt-Peterburg: tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.).
- NARB — *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Buryatiya. Mangatkhan Malasagayev. F. 362. Op. 1, d. 6. L. 710—716; F. 362. Op. 1, d. 13. L. 75—79*. (In Russ.).
- Nineviya. In: *Vikipediya*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Nineviya>. (In Russ.).
- NRM — Tishkov, V. A. (ed.) (2000). *Narody i religii mira. Entsiklopediya*. Moskva: Nauchnoye izdatelstvo «Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya». (In Russ.).
- PMA — Polevyie materialy avtora, sobrannyye v Eravninskom rayone Respubliki Buryatiya, Kachugskom i Olkhonskom rayonakh Irkutskoy oblasti, Khubsugulskom aymake Mongolii v 1978, 1979, 2002, 2007, 2008 gg. (In Russ.).
- Potantin, G. N. (1883). *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii. Dnevnik puteshestviya, III*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Prarodina. In: *Vikipediya*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Prarodina>. (In Russ.).
- Sanzheyev, G. D. (1929). Pesnopeniya alarskikh buryat. In: *Zapiski Kollegii vostokovedov*. Leningrad. (In Russ.).
- SBZRS — *Skazaniya buryat, zapisannyye raznymi sobiratelyami. Izdano na sredstva khambolamy D. G. Gomboyeva (Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva po etnografii), 1 (2)*. (1890). Irkutsk: Pechatano v tipografii K. I. Vitkovskoy. (In Russ.).
- Semenova, A. A. (ed.) (1952). *Rashid ad-din. Sbornik letopisey, 1 (1)*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- SEPT — Kozlov, V. I. (ed.) (1995). *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Etnicheskiye i etnosotsialnyye kategorii*. Moskva: IEA RAN. (In Russ.).
- Tsaydam. In: *Vikipediya*. Available at: <https://geosfera.org/aziya/kitaj/2483-caydam.html>. (In Russ.).
- TsVRK — *Tsentri vostochnykh rukopisey i ksilografov IMBT SO RAN. Makhatov B. Legenda o proiskhozhdenii buryat Irkutskoy gubernii i Zabaykalskoy oblasti, sostavlennoye po materialam Zayakhanova Ivana Zayakhanovicha. Obshchiy arkhivnyy fond. Inv. nomer 225 / v. Ll. 1—3*. (In Russ.).
- TsVRK — *Tsentri vostochnykh rukopisey i ksilografov IMBT SO RAN. Polevyie zapisi Tsydendambayeva Ts. B. Obshchiy arkhivnyy fond. Inv. nomer 3444 (1). L. 10*. (In Russ.).

REFERENCES

- Dashibalov, B. B. (2005). *Na mongolo-tyurkskom pograniye (etnokulturnyye protsessy v Yugo-Vostochnoy Sibiri v sredniye veka)*. Ulan-Ude: Izdatelstvo BNTs SO RAN. (In Russ.).
- Dolgikh, B. O. (1960). *Rodovoy i plemenny sostav narodov Sibiri v XVII v*. Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Dorzhin, Ts. Ts. (2003). *Legendarnaya zemlya Nayan-Navaa i beloye pyatno buryatskoy istorii (Vzglyad s pozitsiy istoricheskoy geografii)*. Ulan-Ude: Izdatelstvo OAO «Respublikanskaya tipografiya». (In Russ.).
- Dugarov, D. S. (1993). K probleme proiskhozhdeniya khongodorov. In: *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii*. Novosibirsk: VO «Nauka». 207—235. (In Russ.).

- Galdanova, G. R. (1992). *Zakamenskiye buryaty. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (Vtoraya polovina XIX — pervaya polovina XX v.)*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Khandsyren, Ts. (1994). *Zhuzhanskoye khanstvo*. Ulan-Bator: Izdatelskaya kompaniya «Znaniye». (In Buryat.).
- Klyashtornyy, S. G., Savinov, D. G. (2005). *Stepnyye imperii drevney Evrazii*. Sankt-Peterburg: Filologicheskiiy fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
- Mikhaylov, T. M. (1983). O saytinskikh bozhestvakh v shamanskoy religii buryat. In: *Etnicheskiye i istoriko-kulturnyye svyazi mongolskikh narodov*. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR. 114—126. (In Russ.).
- Nimayev, D. D. (2000). *Buryaty: etnogenez i etnicheskaya istoriya*. Ulan-Ude: Izdatelsko-poligraficheskiy kompleks VSGAKI. (In Russ.).
- Pavlov, E. V. (2007). Kult «khozyaina» istoka Angary Ama Sagan noena: k problemam arealnoy variativnosti, semantiki i genezisa. In: *V mire traditsionnoy kultury buryat*, 2. Ulan-Ude: Izdatelsko-poligraficheskiy kompleks VSGAKI. 25—32. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969). *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaytsev*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Rumyantsev, G. N. (1962). *Proiskhozhdeniye khorinskikh buryat*. Ulan-Ude: Buryatskiye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Tsydendambayev, Ts. B. (1972). *Buryatskiye istoricheskiye khroniki i rodoslovnyye. Istorikolinguisticheskoye issledovaniye*. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Vaynshteyn, S. I., Mannay-oola, M. Kh. (eds.) (2001). *Istoriya Tuvy. Izdaniye vtoroye, I*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Viktorova, L. L. (1980). *Mongoly. Proiskhozhdeniye naroda i istoki kultury*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Zoriktuyev, B. R. (2013). Paleoasians in the Ethnogenesis of the Yakuts (on Mythology Data of the Yakut Ethnical Community of the Khor). *Advances in Anthropology*, 3 (4): 203—209.
- Zoriktuyev, B. R. (2015). Tyurkskaya versiya proiskhozhdeniya predaniya ob Ergune-kune: oshibki i zabluzhdeniya. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 43 (3): 107—115. (In Russ.).
- Zoriktuyev, B. R. (2019). K istorii plemennoy gruppy khori. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 3 (43): 13—19. (In Russ.).